

О Я К Е Й

Ты
МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
цвет

Любовь не должна
цвести внутри тебя.

Оя Кей

Ты мой любимый цвет

<https://litres.ru/74018944>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самый важный человек появляется тогда, когда ты уже привык справляться со всем в одиночку.

Лиз любит тишину, книги и рисование. Она не ищет друзей, не стремится быть частью шумных компаний и предпочитает оставаться незаметной.

Вин — её полная противоположность.

Он слишком громкий, слишком разговорчивый и появляется в её жизни так внезапно, будто решил перевернуть её с ног на голову.

Сначала он раздражает.

Потом заставляет улыбаться.

А потом становится человеком, без которого она уже не может представить ни один свой день.

Но когда Лиз начинает понимать, насколько сильно он ей дорог, судьба предлагает выбор, к которому невозможно подготовиться.

История о первой любви, дружбе, надежде и о том, что некоторые люди становятся нашим любимым цветом ещё до того, как мы успеваем дать этому чувство имя.

«Ты мой любимый цвет» — роман о том, что иногда самые важные слова так и остаются несказанными.

Содержание

Глава 1. Между химией и хаосом	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Оя Кей

Ты мой любимый цвет

Глава 1. Между химией и хаосом

Город встретил её тишиной.

Узкие улочки пахли дождём, окна домов смотрели на неё знакомо — почти узнаваемо, словно когда-то давно они были свидетелями её жизни. Для Лиз это были лишь очертания. Чужие. Холодные. Пустые.

Она поставила последнюю коробку на пол и огляделась. Новая квартира показалась чужой, как и весь город. Белые стены отражали её дыхание, шаги отдавались гулким эхом. Внутри не было ничего, кроме вещей и тишины.

Среди коробок выделялась одна — старая, с неровной надписью «**Личное**». Лиз знала, что начнёт с неё. Осторожно разорвав скотч, она раскрыла крышку и наткнулась на прошлое. Дневники, тетради, скетчбуки.

И среди них — альбом.

Она узнала его сразу.

Потёртая кожаная обложка. Акварельные пятна — размытые, выцветшие, но всё ещё различимые: розовые, синие, золотистые. Когда-то они были яркими. Когда-то она знала каждое из них.

Лиз взяла альбом в руки.

Она знала, что этот альбом был подарком. Его подарком. Самым первым. И знала, что когда-то это значило многое. Что она смеялась, когда получила его. Что обещала себе заполнить каждую страницу.

Но не могла вспомнить, какое это было чувство — получить его, хранить, листать.

Лиз провела пальцем по обложке, по одному из пятен — синему, похожему на каплю дождя. Пальцы помнили шероховатость кожи. Но сердце не отозвалось ничем.

Всплыли слова, которые он сказал тогда, в тот день:

«Чтобы ты никогда не забывала, что цвет можно найти даже там, где его нет».

Давно эти слова, вероятно, имели вес. Сейчас — только фраза. Красивая. Чужая.

Лиз открыла первую страницу. Внизу, мелкими буквами, почти стёршимися от времени:

«Видеть глубже»

Она смотрела на эту надпись и не чувствовала ничего.

И всё же альбом начал свою работу — словно за руку потянул её в прошлое. Не к чувствам, которых она больше не помнила. А к фактам. К историям, которые записало её тело, но больше не знала душа.

Перед глазами ожил тот день.

Одиннадцать лет назад

Машина ехала по незнакомым улицам.

Лиз сидела на заднем сиденье, прижав лоб к холодному стеклу. Город проплывал мимо — чужие дома, чужие деревья, чужая жизнь. Внутри было пусто и тяжело одновременно. Как будто её вынули из родного тела и вставили в другое,

слишком тесное.

На переднем сиденье мама что-то рассказывала папе про собранный урожай тётушки Бэк.

— ...и представь, этот вырос размером с мою ногу. Я такого никогда не видела. Тётя Бэк, конечно, молодец, но что мне теперь с ними делать? Может, замариновать? Хотя в прошлый раз...

Папа кивал, не слушая. Он всегда так делал последние годы — кивал, смотрел на дорогу и мысленно был где-то далеко. На работе, наверное. Или в той компании, которая стала важнее их вечеров на крыльце.

Лиз смотрела на его затылок и не узнавала.

Когда-то он сидел рядом с ней на старом деревянном крыльце у озера. Сумерки. Вода пахла тиной и прохладой. Отец показывал рукой на звёзды и рассказывал — про взрывы, про рождение новых миров, про то, как маленькая точка может стать огромным солнцем.

— *Смотри, — говорил он. — Вот эта, самая яркая. Она*

умерла миллионы лет назад, а мы её всё ещё видим.

— Как это — умерла, а мы видим? — спрашивала Лиз, прижимаясь к его плечу.

— Свет идёт так долго, что звезды уже нет, а её лучи всё ещё летят к нам. Красиво, правда?

Лиз думала, что он знает всё на свете. Она была его дочерью. Его главным человеком.

А потом работа проглотила его. Сначала он стал задерживаться допоздна. Потом перестал приходить на ужины. Потом — на школьные спектакли. Лиз оправдывала его: «Он занят, он устал». Но когда он пришёл к ней однажды вечером и сказал, что они переезжают, потому что его повысили, она вдруг поняла: он даже не спросил, хочет ли она.

Старый дом, озеро, их уютный мир — всё это оказалось весом меньше, чем новая должность.

Лиз ненавидела ту компанию. Но ещё больше она боялась признаться, что теперь почти ненавидит и его.

— ...ничего не сделаешь, — донеслось с переднего сиде-

нья.

Папа повернул голову к маме, сказал что-то про отчёт, про встречу, про то, что завтра вернётся поздно.

Лиз перестала слушать.

Она смотрела в окно. На чужие улицы. На чужую жизнь. И думала о том, что когда-то они ехали так же — втроём, но тогда она смотрела не вперёд, а назад, на озеро, которое становилось всё меньше и меньше, пока не исчезло за поворотом.

Тогда ей хотелось плакать.

Но она не заплакала.

И сейчас не заплачет.

— Всё будет хорошо, Лиз, — сказала мама, обернувшись к ней с переднего сиденья.

— Ты это уже говорила, — буркнула девочка, не отводя взгляда от ночной дороги.

Дом у озера — старый, скрипучий, пахнущий сосновыми

досками и маминым яблочным пирогом — остался далеко позади. У неё забрали дом.

Лиз пугал не сам переезд. Не коробки, не новые обои в квартире, не городской шум за окном. Её пугала неизвестность. Пугала школа, полная незнакомцев, учителя с тяжёлыми взглядами, равнодушные лица в коридорах, где она станет «новенькой». Пугало то, что здесь не будет озера, по утрам покрытого туманом, старой лодки у берега, не будет дерева, под которым она читала, птиц, к которым привыкла, и рыжего кота, гулявшего по подоконнику.

— У нас будет новый дом, — повторила мама, словно заклинание.

Лиз молчала.

Она не хотела нового. Ей хватало старого, тёплого, любимого. Переезд казался ей предательством — как будто она изменила самой себе. Но Лиз ничего не могла изменить. Отец получил новую должность, мама поддержала его. И всё... Её жизнь тоже изменилась, хотя никто не спрашивал, готова ли она.

Когда они приехали к новому дому, Лиз не вышла из машины сразу. Она сидела, вцепившись в свой скетчбук, и в

голове у неё было только одно: «Я больше не знаю, кто я».

Утро после переезда было серым.

Свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, казался чужим, как будто он принадлежал другому миру — более яркому, более лёгкому, не её. Лиз проснулась раньше будильника. Пульс отдавался в горле — громко, настойчиво. Будто тело заранее знало: этот день не будет обычным. Сегодня всё изменится. Сегодня она больше не ребёнок с озером за окном. Сегодня — начало новой жизни, к которой она не была готова.

Комната казалась временным убежищем: коробки, стоящие у стен, словно охраняли её хрупкий покой. Скетчбук лежал на подоконнике, открытый на пустой странице — немой упрёк. Ей нечего было сказать даже себе.

Лиз подошла к окну. Хлопнула створка — резкий, влажный воздух ударил в лицо. Запах мокрого асфальта, бензина, городской сырости рассекли утро пополам.

Никакого озера. Никакой тишины. Только бетон, стекло и гул машин, которые ехали, не замечая её страха.

Лиз оделась как можно тише: серая толстовка, джинсы, кеды, волосы — в низкий пучок. Без макияжа. Без заметности. Сегодня она хотела стать воздухом: невидимой, пройти сквозь день, не зацепив взглядов, не оставив следа.

На кухне пахло кофе и подгоревшим тостом.

Мама стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и одновременно листала записную книжку с рецептами — она всегда что-то планировала, раскладывала по полочкам, даже когда Лиз казалось, что планировать нечего. Папа сидел за столом с чашкой в руке и смотрел в планшет — с ним вечно какие-то бумаги, даже за завтраком. Даже когда Лиз вошла, он поднял голову только на секунду.

— Ты выспалась? — спросила мама, не оборачиваясь.

— Да, — ответила Лиз тихо.

Потому что правду всё равно бы не услышали.

— Сегодня первый день, — мама наконец повернулась, вытирая руки полотенцем. — Ты не боишься?

Папа отложил планшет, но взгляд у него был отстранённый, будто он уже мысленно на работе.

Лиз покачала головой.

— Нет.

Очередная ложь.

— Всё будет хорошо, — машинально бросила мама, снова поворачиваясь к плите.

— Это просто школа, — пробормотала Лиз, ковыряя заусенец. — Все ходят в школу.

«Но не все теряют себя», — хотела добавить она, но проглотила слова вместе с глотком зелёного чая. Внутри было ощущение, будто её ведут на сцену. Огромный зал, прожекторы, лица в тени. Все смотрят, но никто не хлопает.

— Кстати, тётушка Бэк вчера приезжала. Передала целый ящик кабачков. Я теперь не знаю, что с ними делать. Может, замариную... хотя в прошлый раз муж тёти Бэк сказал, что мои маринованные кабачки...

Лиз перестала слушать.

Она взяла рюкзак и вышла, не дождавшись, чем закончи-

лась история про кабачки.

— Я тебя подвезу, — бросила вдогонку женщина.

Машина подъехала к школе. Здание выросло перед ней, как крепость. Огромное, глухое, чужое. У Лиз дрогнули колени. В животе скопилась холодная пустота.

Хотелось развернуться, побежать обратно, исчезнуть.

— Лиз, давай сфотографируемся на память, — голос миссис Арден прозвучал нарочито бодро. — Как раньше, перед первым учебным днём.

— Мам... как раньше ничего уже не будет, — буркнула Лиз, не отводя взгляда от фасада школы.

Миссис Арден мягко вздохнула, но не стала настаивать. Вместо этого она быстро достала из сумки старенький «Полароид», навела на дочь и щёлкнула, даже не целясь.

— Мам! — фыркнула Лиз, но было поздно. Из аппарата выполз белый прямоугольник снимка. Мама встряхнула его несколько раз и сунула дочери в руку.

— Держи, когда-нибудь будешь вспоминать этот день.

Лиз, не глядя, положила ещё влажную, пахнущую химикатами фотографию в карман джинсов. Снимок будет проявляться медленно, как и её воспоминания об этом месте — сначала размытое пятно, потом проступят чужие черты.

Миссис Арден заметила, как дочь до белизны сжала ручку рюкзака. Она мягко улыбнулась и положила руку ей на плечо.

— Ты не обязана всем нравиться, — сказала она, и её голос был почти шёпотом. — Просто будь собой, Лиз.

Просто. Но кто она — «собой», если вся она — это озеро, дом и тишина, оставшиеся там, позади?

Лиз кивнула, сделала шаг к двери школы. Она распахнулась — и проглотила её, как пасть. И внутри, под потолком из звуков, запахов, чужих голосов, она вдруг почувствовала как мир вдруг стал хрупким, как лёд под ногами. Она не знала, выдержит ли он её вес. Но назад пути уже не было.

Коридор школы был длинным, белым и пустым, как лист скетчбука. Под ногами — блестящий линолеум, в воздухе — запах чего-то нового, неизведанного. Лиз шла рядом с директором, сухощавым мужчиной с серебристыми очками и идеально выглаженным пиджаком. Он что-то объяснял — про класс, про преподавателей, про адаптацию, — но слова мужчины тонули в шуме её собственного дыхания. Сердце колотился в груди так, что, казалось, вот-вот пробьёт рёбра.

Мистер Кларк остановился у двери с табличкой «Химия — 307» и повернулся к девушке:

— Элизабет, всё будет хорошо. Уверен, мистер Наир поможет тебе освоиться.

Он открыл дверь. Класс притих. Разом. Тридцать с лишним лиц обернулись. Тридцать с лишним взглядов пронзили Лиз насквозь.

Она сделала шаг вперёд, почувствовав, как сердце провалилось куда-то в желудок.

— Это Элизабет Арден, — сказал директор. — Ваша одноклассница. Надеюсь, вы будете к ней добры.

У доски стоял мужчина с густыми вьющимися волоса-

ми, тёмной кожей и внимательным, почти пронизывающим взглядом. На нём была светлая рубашка, закатанная до локтей, серые брюки и чёрные тапочки. Лиз, не отводя взгляда, внимательно посмотрела на учителя. Мужчина казался строгим, даже суровым. Весь его облик излучал требовательность.

Учитель поправил очки, взглянув на Лиз — и в этот момент всё немного замедлилось. В его глазах девушка увидела не холод, а мягкое, тёплое сияние, как свет фонаря в тумане. Его взгляд был внимательным, спокойным и — к её удивлению — добрым.

— Добро пожаловать, Элизабет, — сказал он с лёгким акцентом. — Я мистер Наир. Преподаю химию... и веду этот класс, — он кивнул в сторону учеников. — Мы рады, что ты с нами.

Он говорил спокойно и уважительно, не навязчиво, без давления. Даже имя из его уст прозвучало так, словно его укутали в пуховое одеяло. На душе стало чуточку светлее.

— Скажешь пару слов о себе? Только если хочешь, конечно.

Лиз сжала лямку рюкзака. Губы дрожали. Она слышала,

как кто-то в классе хихикнул. Один мальчик в дальнем ряду что-то шепнул своей соседке. Тело Лиз сжалось, как пружина.

— Я... Лиз — начала она. — Недавно переехала. Я рисую... Люблю дождь и тишину.

Лиз попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. Несколько человек сдержанно усмехнулись. Девушка у окна одарила её скользким взглядом сверху вниз. Кто-то, не стесняясь, шепнул «серая мышь».

Мистер Наир внимательно посмотрел на учеников — и на мгновение в его взгляде промелькнуло строгое предупреждение. Шёпот прекратился.

— Отлично, — сказал он, кивая. — Твоё место — у окна, рядом с Лиамом, — он указал рукой на место рядом с парнем, который сидел и внимательно на неё смотрел, но не выражал никаких эмоций, словно Лиз и вовсе не существовало в этом мире.

Лиз прошла через весь класс. Её шаги были тихими, но внутри так сильно грохотало, что у неё закладывало уши. Она чувствовала, как спина горит от чужих взглядов, как руки дрожат. Лиз опустилась на стул и уставилась в окно, где

по стеклу текли тонкие дорожки дождя.

«Я справлюсь. Это просто школа. Просто... люди».

В груди всё равно давило. Словно она осталась одна в огромном здании, полном чужих голосов.

Лиз сидела за третьей партой у окна, сгорбившись над тетрадью. Урок химии только начался, а ей казалось, что прошла уже целая вечность. Мистер Наир выводил на доске формулы и что-то пояснял, но Лиз слушала вполуха. Всё здесь было... не её. Воздух, стены, люди. Даже мел скрипел не так, как в её старой школе.

— Итак, — продолжал мистер Наир, делая очередную пометку на доске, — в химических реакциях важно учитывать не только сами элементы, но и...

Дверь в класс с грохотом распахнулась.

— Какое прекрасное утро для изучения чего-то нового!

Все обернулись. В дверях стоял высокий парень с каштановыми волосами, взлохмаченными как после урагана, рюк-

заком, болтающимся на одном плече, и пластиковым стаканчиком в руке. Его глаза искрились любопытством, озорством и абсолютной уверенностью в себе. Он чуть склонился, как актёр на сцене, а потом шагнул внутрь, будто ступал на подиум.

Некоторые ученики смотрели на парня со скучающим видом, словно уже знали, что будет дальше. Кто-то перешёптывался, кто-то смеялся, а Лиз, равнодушно взглянув на причину всеобщего переполоха, снова уткнулась в пустую тетрадь.

Мистер Наир подошёл к парню ближе, сложив руки на груди.

— Ну, на этот раз что именно помешало вам прийти к началу урока?

— Я боролся с утренней депрессией, и она почти победила. Но потом я вспомнил, что у нас химия, и вот я здесь!

— Молодой человек, вы когда-нибудь приходили вовремя?

— Конечно! Один раз! В прошлом году. Это был вторник — великий день в истории науки.

— Вин, — строго, но не зло произнёс мистер Наир, — урок начался пятнадцать минут назад.

— Пятнадцать минут — ничто по сравнению с вечностью, — весело проговорил Вин. — Даже Эйнштейн бы понял.

— Эйнштейн, в отличие от некоторых, уважал дисциплину. Может быть, в этом году и вы начнёте это делать?

— Я уважаю дисциплину, сэр! Особенно когда она не нарушает мой внутренний график вдохновения.

— Ваш внутренний график?

— Ага, я так вдохновился, что готов совершать великие открытия!

Учитель прищурился:

— И что, по-вашему, вы можете предложить на сегодняшнем уроке?

— Могу провести сравнительный анализ между химической реакцией и тем, как вы реагируете на моё опоздание. Один в один — выделяется тепло, гнев и немного токсичных

паров.

— Садись, пока я не испарился окончательно.

— Уже бегу, мистер Сурьма.

— Что ты сказал?

— Символ Sb. Твёрдый, блестящий, слегка ядовитый. Но в хороших руках может быть полезным. Это я про вас, если что.

Гул в классе стал ещё громче. Парень, победоносно расправив плечи, двинулся к своей парте... но по дороге его взгляд зацепился за Лиз. Она не смеялась. Она вообще не смотрела на него, просто рисовала в тетради, словно вокруг не происходило ничего интересного.

И это заинтересовало Вина ещё больше, чем реакция всего класса.

— Оооо! А это кто у нас тут? — парень чуть наклонился, собираясь ещё что-то сказать, но Лиз даже не подняла глаз. Слово его просто не существовало.

— Интрига, — прошептал парень, усмехнувшись.

Наши дни

Глухой удар грома за окном заставил Лиз вздрогнуть и оторвать взгляд от альбома. Она по-прежнему сидела на полу посреди полураспакованных коробок, скрестив под собой онемевшие ноги. В квартире было тихо, лишь за окном зашуршал усилившийся дождь, заставляя тени на стенах дрожать.

Она медленно закрыла альбом, пальцы всё ещё лежали на шероховатой обложке. В груди была та самая знакомая пустота, но теперь её края будто пощипывало острое, почти болезненное любопытство.

Кто была та девушка с напряжёнными плечами и испуганным взглядом, которая смотрела на неё с первой страницы? Та, что боялась города, школы, чужих взглядов? Та, что получила этот альбом и, должно быть, засмеялась тогда — настоящим, лёгким смехом, который Лиз уже не могла воспроизвести.

Девушка отложила альбом в сторону и поднялась с пола, разминая затёкшие мышцы. Нужно было двигаться дальше, обживать это место. Но вместо того чтобы взяться за следующую коробку, Лиз подошла к окну.

Город под дождём был похож на акварельный рисунок — размытый, серо-синий, без резких линий. Где-то там осталась та школа. Тот самый класс. Тот парень с озорной улыбкой и редким именем, приходил на ум с чёткостью высеченной на камне надписи, но без всякого смысла.

Она повернулась и обвела взглядом комнату. Взгляд снова упал на альбом, лежащий на полу рядом с коробкой «Личное». Он лежал там, словно приглашение. Обещание ответов на вопросы, которые она разучилась задавать.

Лиз глубоко вдохнула, ловя знакомый запах старой бумаги, пыли и влажного воздуха, проникающего в квартиру через неплотно закрытую створку. Она не чувствовала ничего, кроме смутного щемящего ощущения, похожего на то, что испытываешь, проходя мимо двери, за которой когда-то жил кто-то важный, а теперь — лишь тишина.

Но альбом был ключом. И Лиз уже повернула его в замке.

Она не стала сразу же листать его дальше. Вместо этого Лиз подошла к большой коробке, нашла электрический чайник, чтобы заварить себе чаю. Пока чайник закипал, её взгляд снова и снова возвращался к альбому.

Она понимала, что это не просто воспоминания. Это было путешествие. Возвращение в место, где она оставила часть себя, и теперь ей предстояло выяснить, что же именно она потеряла. И почему, забыв, она всё же бессознательно выбрала вернуться именно сюда.

Чайник выключился с тихим щелчком, нарушив тишину. Лиз налила кипятка в чашку, наблюдая, как заварка окрашивает воду в тёплый янтарный цвет. Девушка обхватила её ладонями, и приятное тепло растеклось по телу.

Лиз твёрдо решила: она будет листать этот альбом страница за страницей. Пока не поймёт. Пока не вспомнит.

Она сделала глоток горячего чая, поставила чашку на полку и снова опустилась на пол перед открытой коробкой. С полной решимостью Лиз взяла альбом в руки.

Пальцы сами нашли следующую страницу.

И прежде чем она успела её перелистнуть, память — не эмоциональная, а мышечная, память тела — уже отозвалась лёгким спазмом в горле.словно эхо давнего кашля.

На следующей странице она увидела рисунок, который Лиз сразу же узнала. Память снова унесла её на одиннадцать

лет назад.

Перемена в этой школе походила на маленький конец света — правда, всегда обходилось без паники. Зато был грохот хлопающих дверей, гул голосов и электрические разряды смеха. Стоило прозвенеть сигналу, как коридоры наполнялись гулом голосов, хлопками шкафчиков и сладковато-горьким запахом кофе из автомата в холле, вперемешку с чем-то неопознано приторным из столовой.

Вин, держа в руках потрёпанную тетрадь с закрученным уголком, прорезал толпу так, будто тренировался к марафону. Мимо промелькнула группа баскетболистов, кто-то из них шутливо окликнул его, но он даже не обернулся. Дверь в класс он распахнул с лёгким драматизмом, словно собирался ворваться в фильм, но внутри было гораздо спокойнее.

Внутри был свой, камерный хаос. За первой партой кто-то торопливо переписывал конспекты, выводя буквы так, будто каждая могла спасти жизнь; две ученицы рядом спорили над заметками в планшете, то хмурясь, то кивая; а у окна парень в наушниках постукивал по клавишам ноутбука в ритм какой-то своей, невидимой музыки.

Вин швырнул рюкзак на ближайший свободный стол и схватил маркер у доски. Он уже собирался вывести на доске что-то, возможно, абсолютно бесполезное, но эффектное... как вдруг замер. Боковым зрением уловил лёгкое движение, штрих карандаша по бумаге.

В углу, на своём привычном месте, сидела Лиз Арден. Волосы чуть спадали на лицо, карандаш в пальцах двигался быстро, но легко — как будто она не рисовала, а ловила ветер.

Вин медленно опустил руку с маркером. План, который он собирался воплотить на доске, растворился, как сахар в его утреннем кофе. Он направился к девушке, не замечая, как ноги сами выбрали этот путь.

— Знаешь, я тут подумал... — начал он, присев на край её парты и чуть наклонив голову, пытаясь заглянуть в скетчбук. — Мы с тобой, если так разобраться, в одной лодке. В этой... гонке на выживание, — он сделал неопределённый жест в сторону класса и школы в целом. — Так почему бы нам... не стать напарниками? Ну... или друзьями?

Он улыбнулся — фирменно, с ноткой дерзости, но в глазах всё же мелькнула честная, почти уязвимая искра.

Лиз не посмотрела. Резинка скетчбука щёлкнула, рисунок исчез под обложкой. Она встала, закинула рюкзак на плечо и, не сказав ни слова, прошла к двери.

Ни жеста, ни взгляда. Только шаги, которые стихли в шуме перемены за порогом.

Вин проследил за ней глазами. Его улыбка чуть поблекла. Он провёл рукой по волосам, тихо выдохнул и, словно пробуя рассмеяться, хмыкнул.

Кто-то в классе хмыкнул. Двое у доски переглянулись.

— Ну что, Вард, — вполголоса протянул худощавый парень, закидывая руку Вину на плечо, — «хоризма» сегодня взяла выходной?

Вин чуть склонил голову, глядя на парня как на ученика, который задал слишком наивный вопрос.

— Кэс, друг мой... великие произведения не ценят с первого взгляда. Сначала их не понимают, потом о них спорят, а потом — продают за миллионы.

Вин торопливо встал, схватил рюкзак, направляясь к выходу. Уже на пороге он обернулся, чуть прищурившись, про-

говорил:

— Так что, возможно, просто прямо сейчас она на стадии «не понимает».

Класс взорвался смешками, кто-то даже тихо присвистнул. Вин, не теряя хода, выбросил руку в воздух с ленивым «пока» и исчез в коридоре, оставив после себя ту самую атмосферу, когда все понимают — он ещё вернётся и добьётся своего.

Трибуны были пустыми. После школьной суеты, толпы и грохота стадион утопал в тишине. Лишь ветер слегка шевелил страницы скетчбука, который Лиз держала на коленях. Она сидела, поджав ноги, рисуя чёрной ручкой угловатый профиль с густыми бровями и колючим взглядом.

— Сурьма, — пробормотала она себе под нос, выводя рядом надпись: «Nairium — элемент, вызывающий повышенное чувство долга и хронический сарказм». Под портретом мистера Наира она добавила химическую диаграмму, превратив учителя в ядро вымышленного элемента.

— Ух ты, это ты так мстишь за домашку по органике? —

донёлся уже знакомый голос из-за спины.

Лиз едва не испортила линию.

— Я думал, ты растворяешься при дневном свете, — добавил Вин, сбегая по трибунам и усаживаясь рядом, будто они с Лиз были давние друзья. — Или, может, ты из тех загадочных художниц, которые питаются грустью и туманом?

— Ты слишком громкий, — сухо сказала Лиз, пряча скетчбук. — И слишком... близко.

— Вот это был комплимент. Прямо в сердце, — Вин театрально схватился за грудь.

Лиз старалась не смотреть на него. Он был... неудобно интересным. Как пятно краски на чистом холсте — яркий, неправильный, но цепляющий взгляд. Лиз не привыкла к людям, которые так легко переступают личные границы. И уж тем более к тем, кому искренне интересно, что творится у неё в голове. Она из последних сил старалась не обращать на него никакого внимания, но с каждым разом получалось всё хуже и хуже.

— Но у меня есть противоядие, — продолжил он, вытягивая из кармана шуршащий пакетик. — Мармеладные чер-

вяки. Убедительная химия дружбы. Возьмёшь?

Лиз мельком взглянула на него, затем на мармелад и, к удивлению самого Вина, взяла одного.

— Победа, — прошептал он торжественно. — Это знак. Мы уже на шаг ближе к союзному пакту. Осталось договориться о границах и обязательствах.

— Это просто червяк, — пробормотала Лиз. — И ты всё ещё слишком... болтливый.

Вин откинулся назад, вытянув ноги.

— Это потому что у меня редкое имя.

— Вин — это редкое имя?

Он посмотрел на неё с прищуром, и вдруг голос его стал чуть тише, почти серьёзным:

— Меня зовут Винсент Гераклит.

— Гераклит? — Лиз вскинула бровь. — Это ты о философе?

— Ага. Знаешь, — начал Вин, не дождавшись, пока Лиз скажет хоть слово, — когда мои родители выбирали мне имя, они чуть не развелись.

Лиз бросила на него взгляд — то ли с интересом, то ли с недоверием.

— Папа — философ. Такой настоящий. Типа «сначала мысль, потом завтрак».

Лиз не удержалась от лёгкой улыбки.

— А мама?

— А мама — искусствовед. Она с полотнами разговаривает, как с друзьями. Представь себе их войну в тот период. Каждый день — дебаты века. Папа хотел назвать меня Гераклитом, потому что «ничто не вечно, кроме перемен». Мама — Винсентом, в честь великого Ван Гога.

— И что в итоге?

Вин склонился чуть ближе, будто рассказывал секрет.

— На третьей неделе споров мама психанула и сказала: «Если ты назовёшь его Гераклитом, я назову его Пикассо, а

ещё лучше — Рембрандтом». Папа рассказывал, что он тогда чуть не поседел, но потом он предложил назвать меня Винсентом Гераклитом.

Он развёл руками театрально:

— И вот результат их компромисса — я. Ходячий философ-импрессионист. Мама с восторгом говорит, что у меня душа художника, а папа всё ещё верит, что я буду цитировать своего тёзку, — он улыбнулся. — Ну, а мне осталось носить это имя, как крошечную пьесу — и быть и тем, и другим.

Лиз едва не рассмеялась, но всё же сдержалась. Только уголки губ дрогнули.

— Театрально, — пробормотала Лиз.

— Зато с характером. Как думаешь, добавляет ли это баллов в анкету потенциального друга?

Лиз не ответила. Она взяла мармелад и уставилась в сторону беговой дорожки, но внутри было странное тепло. Как будто это имя — и этот мальчишка с громким голосом — начали ей нравиться чуть больше, чем она хочет признать. Они молчали несколько минут, Вин громко причмокивал мармеладом, а Лиз иногда поглядывала на него.

— А Вин — это чтобы не пугать людей?

— Ага. Когда меня первый раз привели в садик, воспитательница не смогла произнести моё полное имя, и с тех пор все зовут меня Вин. Коротко. Без философии.

— Пока ты сам её не начинаешь, — подметила Лиз.

— Уж извини. Это побочный эффект воспитания в доме, где каждый завтрак начинался с фразы: «А что ты думаешь о сущности истины?»»

— И ты отвечаешь: «Можно сначала какао?»»

— Близко. Я говорил: «Сначала тосты, а потом Платон, а Ван Гога оставим на ужин».

Они засмеялись почти одновременно.

— Ну и имя у тебя, конечно, — выдохнула Лиз. — Целая картина.

— Ты только не говори это моей бабушке. Она до сих пор уверена, что я Стивен.

— Стивен?

— Она бы не пережила, если бы узнала, как меня на самом деле зовут, поэтому, когда бабуля приезжает, меня все зовут Стивеном.

Глаза Лиз округлились.

— Это... это...

— Да, брось, в этом есть и свои плюсы, — Вин огляделся по сторонам, словно проверяя, не следят ли за ними, а потом шёпотом проговорил:

— Иногда я этим шантажирую родителей. Мама с папой боятся, что правда всплывёт, и бабуля узнает, что её любимого внука зовут не Стивен, а Винсент Гераклит.

Вин рассмеялся, вытащил ещё одного мармеладного червяка и ловко забросил его в рот.

— Держи, — Вин снова протянул руку с мармеладом. — Всё течёт, всё меняется, но сладкое вечно.

Лиз взяла ещё одного червячка, пытаясь вернуть свою маску безразличия, но получалось это у неё из ряда вон пло-

хо.

Молчание между ними было не гнетущим, а каким-то... устойчивым. Лиз поймала себя на мысли, что смотрит не на его руки или мармелад, а прямо на его профиль. Это было неожиданно.

Лиз молча захлопнула скетчбук и встала. Рюкзак неуклюже соскользнул с лавки, и она, не глядя на Вина, подхватила его.

— Я домой, — бросила она коротко.

Вин тоже встал, но с театральным вздохом, будто только что закончил представление.

— Позволь составить тебе компанию, о таинственная леди графита и сарказма.

— Я спокойно дойду сама, — сухо отозвалась Лиз, но шаг замедлила — не потому, что ждала его, а потому что понимала: он всё равно пойдёт.

— Я верю в тебя, — сказал Вин, уже шагая рядом, — но мои родители воспитали во мне рыцаря. Ну... или хотя бы сопровождающего с хорошим чувством юмора. А ещё у меня

в рюкзаке осталась последняя пачка мармеладных червяков. Их судьба — быть съеденными в знак дружбы. Ты не можешь лишить их смысла жизни.

Лиз закатила глаза, но уголки губ дрогнули.

— С тобой сложно.

— С тобой, похоже, ещё сложнее, — драматично сказал Вин, прикладывая руку к сердцу, — но... интересно.

Они шли по пустой улице, и шаги отдавались эхом в вечернем воздухе. Лиз снова замолчала. Вин шёл рядом — не слишком близко, но и не оставляя сомнений, что он здесь по доброй воле.

— Спасибо, — сказала она вдруг. Тихо, почти неслышно.

— Что? — притворно не расслышал Вин, наклоняясь ближе. — Повтори, я зафиксирую в памяти.

— Не надо. Не фиксируй.

— Ты знала, что похожа на ежа? — с улыбкой спросил он.

Лиз ничего не ответила, только тяжело вздохнула, а Вин

громко рассмеялся.

Когда они свернули с главной дороги, Лиз остановилась, осматриваясь вокруг.

— Ладно, дальше я сама.

— Я провожу тебя до дома. Не могу же я оставить будущую художницу замёрзнуть в каком-нибудь переулке.

— Мне тут три минуты осталось идти.

— За три минуты можно найти смысл жизни, ну или потерять зонт.

Она не спорила. Просто пошла вперёд, а он весело шагал рядом.

— Ты знала, что у каждого второго великого художника был странный друг? Вот он я. Прямо в живую.

— Сомневаюсь, что они были настолько шумными, — усмехнулась Лиз.

— На это и расчёт — ты точно не забудешь меня.

И хотя Лиз этого не показала, внутри у неё вдруг стало чуть-чуть теплее.

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая всё в розовый цвет. Лиз шла рядом с этим шумным, неудержимым мальчишкой и ловила себя на мысли, что его болтовня... не такая уж надоедливая. А чувство, что ты не один на этой пустынной вечерней улице, — довольно приятное.

*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.